

вмѣсто ваты или трута, оторванный кусокъ фуражки. При выстрѣлѣ этотъ кусокъ загорался, потомъ тлѣлъ и Егоровъ раздувалъ огонь, собирая для него пометъ дикихъ яковъ. Но поддерживать огонь всю ночь было невозможно — одолѣвали усталость и дремота. Вотъ тутъ то и начинались, вдобавокъ къ страданьямъ израненныхъ ногъ, новыя муки отъ холода. Чтобы не замерзнуть совершенно, Егоровъ ухитрялся туго набивать себѣ за пазуху и вокругъ спины сухаго помета дикихъ яковъ и, свернувшись клубкомъ, тревожно, страдальчески засыпалъ... Въ это время пропотѣвшая днемъ рубашка обыкновенно примерзала къ наложенному помету; за то по крайней мѣрѣ не касалась своею ледяною корою голаго тѣла.

На четвертыя сутки своего блужданія Егоровъ почувствовалъ сильную усталость и голодъ. Послѣдній былъ еще зломъ наименьшимъ, такъ какъ въ горахъ водились зайцы и уллары. По экземпляру того и другого застрѣлилъ Егоровъ и съѣлъ сырою часть уллара; зайца же, также сырого, носилъ съ собою и ѣлъ по маленькому кусочку, когда сильно пересыхало горло.

Въ это время Егоровъ блуждалъ возлѣ тропинки, которая ведетъ изъ Сыртына въ Са-чжеу. Нѣсколько разъ пускался онъ въ безводную степь, но мучимый жаждою, снова возвращался въ горы. Здѣсь, на пятныя сутки своего блужданія, Егоровъ встрѣтилъ небольшое стадо коровъ, принадлежавшихъ несомнѣнно кочевавшимъ гдѣ-либо по близости монголамъ; но пастуховъ при коровахъ не оказалось. Вѣроятно они издали замѣтили незнакомаго, страннаго человѣка и спрятались въ горахъ. Конечно, Егорову слѣдовало застрѣлить одну изъ коровъ, добыть такимъ образомъ себѣ мяса, а кожею обернуть израненныя ноги. Однако онъ не рѣшился на это; хотѣлъ только взять отъ коровъ молока, но и тутъ неудача — коровы оказались недойнными.

Оставивъ въ покоѣ этихъ соблазнительныхъ коровъ, Егоровъ побрелъ опять по горамъ и переночевалъ здѣсь шестую по счету ночь. Между тѣмъ силы замѣтно убывали... Еще день-другой такихъ страданій и несчастный погибъ бы отъ истощенія. Онъ самъ уже чувствовалъ это, но рѣшилъ ходить до послѣдней возможности; затѣмъ собирався вымыть гдѣ-нибудь въ ключѣ свою рубашку и въ ней умереть. Но судьба сѣдила иначе... Егоровъ случайно встрѣтилъ нашъ караванъ и былъ спасенъ.

И какъ не говорить мнѣ о своемъ удивительномъ счастьи! Опоздай мы днемъ выхода съ роковой стоянки, или выступи днемъ позже, наконецъ пройди часомъ ранѣе или позднѣе по той долинь, гдѣ встрѣ-